

Сергей Михалков

ПРАЗДНИК НЕПОСЛУШАНИЯ

РИСУНКИ
В.ЧИЖИКОВА

«МАЛЫШ»

ПРАЗДНИК НЕПОСЛУШАНИЯ

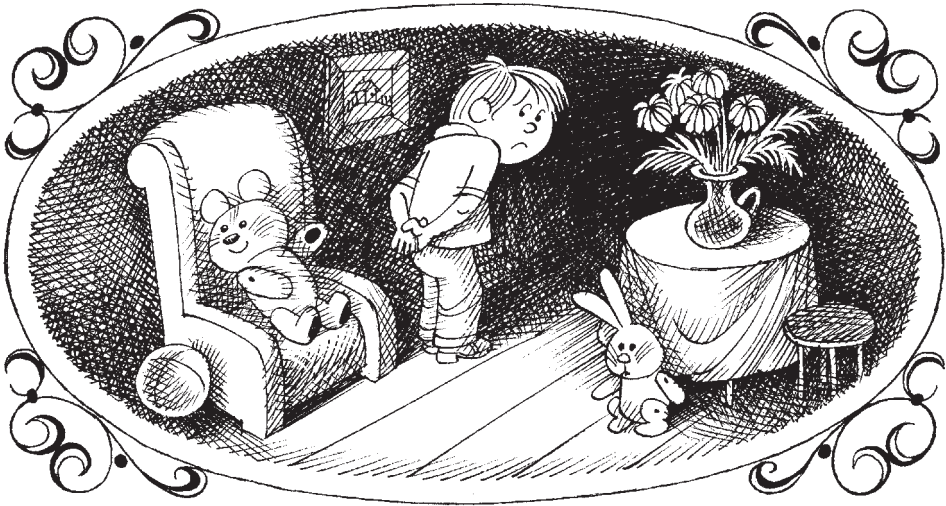
ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Этого никогда не было, хотя могло бы и быть, но если бы это на самом деле было, то... Одним словом, по главной улице большого города шёл маленький мальчик, вернее, он не шёл, а его тянули и тащили за руку, а он упирался, топал ногами, падал на колени, рыдал в три ручья и вопил не своим голосом:

— Хочу ещё мороженого!

— Больше не куплю! — спокойным голосом повторяла его мама, крепко держа Малыша за руку. — Больше не куплю!

А Малыш продолжал вопить на всю улицу:

— Хочу ещё! Хочу ещё!

Так они дошли до своего дома, поднялись на верхний этаж и вошли в квартиру. Здесь мама провела Малыша в маленькую комнату, поставила носом в угол и строго сказала:

— Будешь так стоять, пока я тебя не прощу!

— А что мне делать? — спросил Малыш, перестав реветь.

— Думать!

— А о чём?

— О том, что ты ужасный ребёнок! — ответила мама и вышла из комнаты, заперев дверь на ключ.

Ужасный ребёнок стал думать. Сначала он подумал о том, что шоколадное мороженое вкуснее фруктового, а потом он подумал и решил, что если сначала съесть фруктовое и сразу заесть его шоколадным, то во рту останется вкус шоколада, а в животе будут две порции мороженого... Собственно говоря, как раз из-за этого между ним и мамой разыгралась на улице такая безобразная сцена. Он понял, что сцена была безобразной, потому что сквозь слёзы видел, как оборачивались прохожие, глядели им вслед, качали головами и тоже говорили:

— Какой ужасный ребёнок!..

И ещё Малыш стал думать о том, как плохо быть маленьким и что надо обязательно постараться как можно скорее вырасти и стать большим, потому что большим всё можно, а маленьким ничего нельзя. Но не успел он об этом подумать, как услышал за своей спиной стук в оконное стекло. Мальчик не сразу обернулся. Только тогда, когда стук повторился, он осторожно повернул голову. Честно говоря, он подумал, что это постучал клювом знакомый голубь, которого он иногда кормил хлебными крошками. Но каково же было его удивление, когда он увидел за окном не голубя, а настоящего Бумажного Змея. Тот за что-то зацепился и теперь бился на ветру об оконную раму.

Мальчик подошёл к окну, распахнул его и помог Змею отцепиться. Это был необычайно большой и красивый Бумажный Змей. Он был собран из прочных деревянных планок и со всех своих четырёх боков обтянут плотной провощённой бумагой. У него были нарисованные круглые синие глаза с коричневыми ресницами, фиолетовый нос и оранжевый рот. Но главным его украшением был длиннющий хвост.

— Спасибо тебе, Малыш! — неожиданно произнёс Бумажный Змей, почувствовав себя на свободе. — Как тебя зовут?

— Меня зовут Ужасный ребёнок!

— А ты почему сидишь дома?

— Меня наказали.

— Что же ты натворил?

— Это долго рассказывать. А наказала меня мама.

— Вечная история! — сочувственно произнёс Бумажный Змей. — Я в своей жизни ещё не встречал маленьких детей, которых бы кто-нибудь не наказывал. Впрочем, я знаю одно место, где с этим покончено. Я как раз сегодня собрался туда лететь, да случайно зацепился хвостом за эту противную водосточную трубу.

— Возьми меня с собой! — попросил Малыш.

— Почему бы тебя и не захватить? Вдвоём нам, пожалуй, будет веселей! Цепляйся за мой хвост, держись за него покрепче и постарайся не смотреть вниз, чтобы не закружилась голова!

Не долго думая, мальчик схватился обеими руками за хвост Бумажного Змея, оттолкнулся обеими ногами от подоконника и через мгнове-

ние уже летел над крышей своего дома, а потом над целым городом и его окраинами, а потом над полями и над лесами, реками и озёрами, и с высоты он смело смотрел вниз, на землю, и у него, честное слово, совсем не кружилась голова...

Часы на городской башне пробили полночь.

Папа, мама, дедушка и бабушка стояли в комнате и молча смотрели на спящих близнецов — Репку и Турнепку.

Сладко посапывая, они крепко спали в своих кроватках и улыбались во сне.

— Смотрите! — недовольным шёпотом сказал папа. — Они ещё улыбаются! Наверное, им снится та банка с вареньем, которую они без спроса съели на прошлой неделе...

— Или тюбик с ультрамарином, которым они выкрасили бедного кота! — проворчал дедушка. Он был художником и очень не любил, когда дети трогали его краски.

— Пора! — решительно сказал папа. — Нас не будут ждать!

Мама подошла к кроваткам и наклонилась над Репкой, чтобы поцеловать его в лоб.

— Не надо! — тихо сказал папа. — Он может проснуться, и тогда нам никуда не уйти.

Бабушка подошла к кроватке внучки и поправила одеяло. При этом она незаметно смахнула слезинку, катившуюся по щеке.

— На этот раз мы должны проявить характер... — прошептал дедушка, взял в одну руку большую дорожную сумку, а в другую — ящик

со своими кистями и красками и направился к двери.

— Пошли, пошли! — торопливо сказал папа и взвалил на плечи тяжёлый рюкзак, набитый всякой всячиной.

Мама набросила на руку два клетчатых пледа, бабушка взяла плетёную корзиночку с вязаньем, с которой она никогда не расставалась, и все четверо на цыпочках вышли из комнаты, плотно притворив за собой дверь.

...Город спал. Точнее говоря, в городе спали только дети. Раскинувшись или свернувшись калачиком на своих кроватях и кроватках, они спали глубоким сном младенцев — досыта набегавшиеся за день, наплакавшиеся от детских обид, наказанные родителями за капризы и непослушание, за плохие отметки в дневниках, за помятые клумбы и разбитые мячами оконные стёкла, за испорченные вещи и за прочие шалости, — веснушчатые Стёпки-растрёпки, похожие на рыжих дьяволят, и белокурые Алёнушки, напоминающие ангелят, с царапинами и ссадинами на худых коленках, потерявшие в драке свой последний молочный зуб, прижимающие во сне к груди игрушечные пистолеты и говорящих кукол.

Дети как дети... И во сне они смеялись и плакали, потому что одним снились добрые, весёлые цветные сны, а другим — тревожные и печальные, в зависимости от того, как они провели день. Но ни одному из них так и не приснилось, что в это позднее ночное время со всех концов города по широким улицам, по узким переулкам и кривым, бесфонарным переулочкам в сторону

городской площади вереницей тянулись их папы и мамы, бабушки и дедушки...

На городской площади имени Отважного Путешественника к двенадцати часам ночи собралось всё взрослое население города. Сюда пришли те, кто ещё вчера выпекал в булочных пышные крендели и сдобные булочки с маком и изюмом, кто продавал на улицах и в кондитерских разноцветные шарики мороженого, кто делал детям прививки, пломбировал зубы, испорченные сладостями, и лечил от постоянного насморка.

Явились без опоздания строгие учителя, которые красными карандашами ставили ученикам в дневниках жирные двойки за подсказку на уроке, и душистые парикмахеры, которые стригли детей так, как им подсказывали мамы.

Пришли портные и сапожники, почтальоны и водопроводчики, водители всех видов городского транспорта, продавцы всех магазинов, все сторожа и все дворники. Пришли, оставив дома своих спящих детей.

Папа, мама, бабушка и дедушка Репки и Турнепки появились на площади в тот момент, когда самый многодетный отец города, худой как палка, доктор Ухогорлонос, взобравшись на пьедестал исторического памятника и обхватив одной рукой бронзовую ногу Отважного Путешественника, обращался к собравшимся с речью. От волнения голос его прерывался, и он то и дело подносил к глазам носовой платок.

— Всем нам тяжело, но мы должны найти в себе силы и выполнить наше решение, раз уж мы его с вами приняли! — говорил док-

тор. — Пусть наши дорогие, но грубые и ленивые, капризные и упрямые дети проснутся без нас! У меня тринадцать детей, — продолжал он. — Я не вижу никакой благодарности, я только слышу от них: «Хочу!», «Не хочу!», «А я буду!», «А я не буду!». Я устал с ними бороться и воевать! Все мы находимся в одном положении — мы потеряли терпение. У нас есть только один выход: сдать город детям. Нашим ужасным детям! Не будем им мешать. Пусть живут как хотят и делают что хотят! А там посмотрим... Спасибо за внимание!

Глотая слёзы и мужественно сдерживая рыдания, доктор слез с пьедестала и затерялся в толпе.

Женщины всхлипывали. По лицам многих мужчин было заметно, что им тоже нелегко.

Часы на городской башне пробили два часа ночи, когда в городе не осталось ни одного взрослого человека...

Первым проснулся Репка. Он протёр глаза и увидел, что Турнепка ещё спит. Тогда он одним рывком сорвал с неё одеяло, потянул за голую ножку, ущипнул за пятку и показал ей язык.

— Нас никто не разбудил, я сам проснулся! — сказал Репка сестре. — Вставай! А не то мы можем опоздать в школу.

— Разве сегодня не воскресенье? — спросила Турнепка и сладко зевнула.

— Воскресенье было вчера. Сегодня, к сожалению, обыкновенный понедельник.

— Вот если бы всегда было воскресенье, воскресенье, воскресенье... Так нет, придумали: понедельник, вторник... — сказала Турнепка, грустно вздохнула, потянулась и стала лениво одеваться.

Ни папы, ни мамы, ни бабушки, ни дедушки дома не было. Сначала дети подумали, что папа ушёл уже на работу, а мама спустилась в булочную за хлебом.

Но куда могли деться бабушка и дедушка? Они никогда так рано не вставали!

— И почему никто нас не разбудил? — встревожился Репка.

«И почему нам не приготовили завтрак?» — подумала Турнепка.

И тут вдруг дети увидели на кухонном столике большой лист бумаги, на котором твёрдым папиным почерком было написано:

Дети! Когда вы будете читать это письмо, мы будем уже далеко. Не ищите нас. Мы решили оставить вас одних. Больше вам никто не будет делать замечаний, от вас ничего не будут требовать. Мы устали от вашего непослушания.

Папа.

А ниже тоненьким маминым почерком было приписано:

Будьте осторожны с газом и водой — закрывайте краны! Не залезайте с ногами на подоконник. Еда в холодильнике.

Ваша мама.